

риативность своей структуры, а также в том, что сама вариативность, если она имеет место, осуществляется в языке не по любым возможным, а только по определенным, присущим именно данному языку признакам. Поэтому изучение «междialeктной парадигматики» не должно сводиться просто к описанию вариантов данного звена структуры языка по говорам, а должно обнаруживать те признаки, на основе которых осуществляется его варьирование, и те закономерности, которые формируют структуру данного фрагмента языковой системы в контекстах разных диалектных систем.

Формулирование законов «междialeктной парадигматики» данного языка также входит в компетенцию описательной диалектологии.

4. Подытоживая сказанное выше о способности описательной диалектологии посредством моделирования диалектного языка давать информацию об общих свойствах языка как совокупности его диалектов, есть все основания усматривать в этом принципиально новую ступень в развитии этой науки, выдвигающую ее в число языковедческих дисциплин первостепенного значения. Именно описательная диалектология способна на современном этапе ее развития формулировать основные закономерности строя языка и тенденций его развития, выявлять определяющие черты его междialeктной парадигматики.

5. В предыдущем изложении мы совсем как бы вынесли за скобки литературный язык (т. е. фактически оставались в рамках, определяемых понятием «диалектный язык», по терминологии Р. И. Аванесова), тогда как его система также включается в национальный язык и является одной (хотя и особой) из его манифестаций.

Вопрос о правомерности включения литературного языка в число систем, учитываемых при построении языковой модели наряду с диалектными разновидностями структуры языка, сложен и требует особого рассмотрения. Конечно, в целях охвата этой моделью всех систем данного языка, имеющих непосредственное соответствие в речи, включение системы литературного языка представляется необходимым. Иначе для того, чтобы составить представление о структуре языка, надо иметь в виду две модели — литературного и диалектного, что чрезвычайно нежелательно для всех тех случаев (а они наиболее типичны), когда литературный язык возник на живой диалектной основе. В то же время (и это в разной мере, но характерно, по-видимому, для всех языков) положение литературного языка, рассматриваемого с точки зрения его структуры в ряду диалектных манифестаций того же языка, особое. В силу его противопоставленности, как системы, имеющей письменную форму, диалектным системам в принципе бесписьменным, в литературном языке всегда можно обнаружить структурные особенности, отличающие его от диалектных систем хотя бы уже из-за его консервативности, что связано с кодифицированным характером его норм. Поэтому в ходе исторического развития в нем больше предпосылок для консервации отдельных особенностей строя языка, которые в диалектных системах более свободно подвергаются эволюции. Эта черта еще более обособляет литературный язык, если он создан на иноязычной основе. Так, русский литературный язык, получивший письменность, созданную на южнославянской основе, и подвергавшийся в своем развитии в течение длительного срока влиянию ее образцов, имеет по сравнению с диалектными системами ряд выделяющих его в структурном отношении особенностей, которые продолжают в нем сохраняться (ср. в грамматике развитую систему причастных форм, наличие членных форм сравнительной степени, не говоря уже о лексике и синтаксисе, отличия которых от живого народного языка особенно глубоки)¹⁵. Все это делает учет системы литературного языка в его письменной форме — а именно

¹⁵ Наименее значительны отличия литературного языка от диалектов на низшем — фонетическом — уровне.